

Академик
И. М. МАЙСКИЙ

ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ *

СОЗДАНИЕ КАБИНЕТА ЧЕРЧИЛЛЯ

10 мая 1940 г. Германия без всякого предупреждения напала на Голландию, Бельгию и Люксембург. Все было проделано в обычной гитлеровской манере. В 3 часа утра части вермахта внезапно перешли границу и вступили на территорию Голландии и Бельгии, а германская авиация начала бомбардировку их городов. Лишь несколько часов спустя гитлеровские посланники в Гааге и Брюсселе вручили голландскому министру иностранных дел Вап-Клефенсу и бельгийскому министру иностранных дел Спааку идентичные «меморандумы», в которых говорилось, что Англия и Франция готовились нарушить нейтралитет названных стран и через них атаковать Рурскую область; ввиду этого Германия оказалась вынужденной их оккупировать и таким путем «обеспечить их нейтралитет». Война явно расширялась и углублялась. Было совершенно ясно — на очереди стоит Франция. Фантазии Чемберлена о «нежелании» Гитлера наступать на Запад расплзались одна за другой, как гнилые нитки...

В такой обстановке Англии пришлось формировать свое новое правительство. Считалось бесспорным: главой правительства может быть только Черчилль, а в состав этого правительства должны войти наряду с консерваторами также лейбористы и либералы. Не вызывало также сомнений, что это «национальное правительство» должно быть создано немедленно, без всяких проволочек, на протяжении нескольких часов. Грохот германских пушек на полях Фландрии не оставлял иного выхода. Действительно, уже к вечеру 10 мая был опубликован состав военного кабинета Черчилля. В него, кроме самого Черчилля, входили еще два консерватора — Чемберлен (заместитель премьера) и Галифакс (министр иностранных дел), а также два лейбориста — Эттли (лорд-хранитель печати) и А. Гринвуд (министр без портфеля). Одновременно сообщалось, что военным министром назначен консерватор А. Иден, морским министром — лейборист А. Александер и министром авиации — либерал А. Синклер; все трое должны были работать в самом тесном контакте с военным кабинетом. Эта восьмерка, в которую входили четыре консерватора, три лейбориста и один либерал, становилась высшей властью в стране и руководителем всех военных операций. Присутствие в ней Чемберлена и Галифакса вызвало в широких массах различные неприятные воспоминания; сохранение за Галифаксом поста министра иностранных дел многим особенно не нравилось. Однако все понимали, что Черчилль, создавая «национальное правительство», был вынужден маневрировать и ввести в его состав также представителей «мюнхенцев» (которые теперь потеряли большую часть своего влияния), и потому новый кабинет был встречен с одобрением¹.

* Продолжение. Начало см. в № 1 за 1975 г.

¹ Многие противники «мюнхенцев» утешились тем, что, как было известно, Чемберлен из-за болезни должен был скоро выйти в отставку. Действительно, он ушел из правительства в начале октября, а 9 ноября 1940 г. умер от рака.

В течение 11—15 мая были замещены посты всех других министров, не входивших в военный кабинет. Их было 26. По партийной принадлежности они распределялись так: 17 консерваторов, 5 лейбористов, 3 национал-либерала (группа Д. Саймона) и один национал-лейборист (группа Макдональда). Цифровое соотношение оказывалось не совсем благоприятным для лейбористской оппозиции, ибо группы Саймона и Макдональда в прошлом всегда шли вместе с «мюнхенцами». Этот недостаток отчасти компенсировался тем, что лейбористам были отданы три очень важных в обстановке войны портфеля: министра снабжения (Герберт Моррисон), экономической войны (Хью Долтон) и труда (Эрнест Бевин), а также тем, что среди консерваторов было несколько ярких представителей внутриконсервативной «оппозиции». Так, министром информации был назначен Дафф Купер, министром по делам Индии — Л. Эмери, а министром авиационного строительства — лорд Бивербрук. Последнее имело особенно важное значение.

В предвоенные годы авиационная промышленность в Англии получила сильное, но несколько неорганизованное развитие. В стране было слишком много частных фирм, производивших слишком много разнообразных типов самолетов. Тут действовал естественный закон капиталистической системы хозяйства, помноженный еще на сугубый индивидуализм англичан. Массового выпуска каких-либо определенных марок самолетов не было. А между тем в ожидании жестокой воздушной войны с Германией британскому правительству нужно было во что бы то ни стало быстро наладить серийное производство минимального числа типов самолетов — истребителей, бомбардировщиков, разведчиков и т. д. Требовалась радикальная реорганизация авиационной промышленности, закрытие одних и расширение других предприятий, слияние одних и разделение других фирм, полная перекройка всех их планов и намерений. Это была очень трудная задача, и Черчилль не случайно поручил ее разрешение лорду Бивербруку — человеку огромной энергии и инициативы, могущественному газетному королю, который никого не боялся. Бивербрук оправдал ожидания Черчилля. Он действительно совершил переворот в английском авиационном строительстве, вызывавшийся потребностями военного времени. Если Англия осенью 1940 г. благополучно пережила воздушный «блиц», который на нее обрушил Гитлер; если британская авиация сумела тогда отразить нацистское воздушное наступление, то это не в последней степени было заслугой Бивербрука. Он действовал жесткими и суровыми средствами (а какая война может быть выиграна в белых перчатках), но достигал своей цели, которая состояла в том, чтобы нанести удар врагу. Каковы были эти средства, может прекрасно иллюстрировать следующий случай, о котором мне летом 1940 г. рассказал английский экономист Джон Мейнард Кейнс.

Бивербрук пришел к выводу, что в интересах развития серийного производства определенного типа машин необходимо объединить авиационный завод лорда Наффилда в Оксфорде с одним из предприятий Виккерса. Дело происходило поздно вечером, но Бивербрук не хотел откладывать выполнение важного мероприятия до утра. Он вызвал к себе секретаря и сказал:

— Поезжайте немедленно в Оксфорд и сообщите лорду Наффилду, что с завтрашнего дня его фабрика объединяется с предприятием Виккерса.

Секретарь пришел в ужас:

— Помилуйте, ведь лорд Наффилд не давал на это своего согласия... Он так упрям и... так богат!.. Он ни за что не подчинится решению министерства авиационного строительства!

— Это уже мое дело! — ответил Бивербрук. — Вы только не мешкайте и сейчас же отправляйтесь в Оксфорд!

Секретарь, которому совсем не улыбалась встреча с резким и заносчивым аристократом, да еще по такому неприятному поводу, пытался уклониться от поездки, сославшись на то, что последний поезд на Оксфорд уже ушел сегодня из Лондона.

— Возьмите машину, — приказал Бивербрук.

— Но ведь на машине я приеду в Оксфорд не раньше половины первого ночи! — с отчаянием в голосе возражал секретарь. — Лорд Наффилд будет спать...

— Ничего, разбудите его, — неумолимо продолжал Бивербрук, — и скажите, что с завтрашнего дня он объединен с Виккерсом.

Тогда секретарь бросил на стол последнюю карту:

— Но ведь еще нет решения правительства о слиянии! Премьер-министр его еще не подписал!

— Успокойтесь! — утешил Бивербрук секретаря. — К тому времени, когда вы приедете в Оксфорд, будет уже решение правительства.

Секретарь уехал, а Бивербрук сразу же позвонил премьеру. Спустя четверть часа решение правительства о слиянии двух предприятий было подписано.

Дело было сделано, но нетрудно представить, каковы были чувства Наффилда и его отношение к Бивербруку.

Я не могу ругаться за все детали приведенного рассказа, хотя я слышал его от столь серьезного человека, как Кейнс, однако этот рассказ очень хорошо воспроизводит весь дух бивербрукского руководства министерством авиационного строительства. Впоследствии я не раз сам наблюдал аналогичные случаи.

Впрочем, я несколько забежал вперед; возвращаюсь к хронологическому изложению событий.

13 мая Черчилль представил свое новое правительство парламенту. Я присутствовал на этом заседании и хорошо помню то торжественно-суровое настроение, которое царило в зале заседаний палаты общин. Не было ни обычного шума, ни разговоров, ни шуток среди депутатов. Все было подтянуто, сосредоточено, полны одним чувством, одним ожиданием и с нетерпением поглядывали на правительственную скамью, точнее, на плотную фигуру премьера, сидевшего на ней.

Черчилль поднялся и заговорил. В его натуре от природы всегда было что-то актерское. Я это видел и чувствовал, вступая с ним в дипломатические контакты. Свои парламентские речи, когда у него было достаточно времени, Черчилль обычно писал. Однако на этот раз он испытывал настоящее, искреннее волнение. Даже голос у него иногда срывался. Слова премьера были кратки, но полны глубокого значения.

— Я скажу палате, — говорил Черчилль, — как уже сказал тем, кто вошел в правительство, — я не могу вам предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота. Перед нами пора тяжких страданий. Перед нами много, много месяцев борьбы и лишений. Вы спросите, какова наша политика? Я отвечу: вести войну на море, на суше и в воздухе со всей мощью и силой, дарованной нам господом, вести войну против чудовищной тирании, равной которой еще никогда не было в мрачном, горестном списке человеческих преступлений. Вы спросите, какова наша цель? Я отвечу одним словом: победа, победа во что бы то ни стало, победа, несмотря на все ужасы, победа, как бы ни был длинен и тяжел к ней путь, ибо без победы не может выжить — поймите это ясно — не может выжить Британская империя, не может выжить все то, за что стоит Британская империя, не могут выжить веками создававшиеся импульсы, движущие человечеством к достижению его целей...

Я слушал Черчилля, сидя в галерее послов, и думал: «Да, тут весь Черчилль, британский империалист до мозга костей, однако на данном повороте истории он делает полезное дело».

Когда на голосование был поставлен вопрос о доверии новому правительству, пропало нечто небывалое в анналах британского парламента: за доверие высказался 381 депутат, против — никто. Кабинет Черчилля приняли единогласно. Такая поддержка была очень нужна кабинету: на очереди стояли проблемы исключительной важности и исключительной трудности.

ВОЙНА ИЛИ МИР!

Прежде всего надо было быстро реагировать на события, происходившие в Бельгии и Голландии. Здесь положение было чрезвычайно сложным и опасным. Если бы Англия и Франция в годы, последовавшие за приходом Гитлера к власти в Германии, вели политику, которую отстаивали люди вроде Черчилля, и подкрепляли эту политику конкретными делами, Бельгия и Голландия давно бы вошли в систему англо-французской обороны против угрозы нацистской агрессии. В таком случае «линия Мажино» в том или ином варианте была бы, вероятно, продолжена до берега Северного моря и прикрыта собой не только Францию, но равным образом Бельгию и Голландию. Тогда гитлеровской Германии пришлось бы решать очень трудную военную задачу.

После разгрома Франции над «линией Мажино» много издевались, однако без достаточных к тому оснований. Ибо при уровне военной техники 1939 г. эта линия, будь

она поведена до моря, представляла бы собой сильное укрепление и весьма серьезное препятствие на пути к завоеванию Франции, при условии, конечно, что тогдашние правящие круги Франции действительно хотели бы вести борьбу против нацизма и защищать независимость страны. При таком условии сомнительно, решился бы Гитлер вообще ее атаковать: слишком велики должны были быть потери для преодоления столь могущественной, с военной точки зрения, преграды. Но как раз этого основного и решающего условия не существовало ни во Франции, ни в союзной с ней чемберленовской Англии. Отсюда вытекал целый ряд чрезвычайно важных политических и стратегических последствий.

Политические последствия сводились к увлечению руководящих кругов Англии и Франции пресловутой концепцией «западной безопасности» (т. е. ставкой на военное столкновение между СССР и Германией), к политике «умиротворения» агрессоров и, наконец, к «Мюнхену». Правители Англии и Франции ради своих фантазий пожертвовали Эфиопией, Австрией, Испанией, Чехословакией, Польшей и совершенно подорвали среди других народов веру в свою способность противостоять фашистским диктаторам. Это вызвало разложение в правящих кругах малых европейских стран, в частности в Бельгии и Голландии.

Стратегические же последствия сводились к невозможности создать «линию Мажино» от Швейцарии до берегов Северного моря. Видя, что случилось с Австрией, Испанией и Чехословакией, Бельгия и Голландия не решились связать свою судьбу с Англией и Францией. Наоборот, они стали бояться такой связи, ибо полагали, что она может «спровоцировать» Гитлера на враждебные действия против них. Поэтому в Бельгии и Голландии все больше укреплялось мнение, что им выгоднее проводить политику строгого нейтралитета. Такая политика, думали руководящие круги в этих двух странах, скорее может обеспечить им безопасность, чем открытый союз с Англией и Францией. Разумеется, подобная надежда в обстановке Европы конца 30-х годов была столь же нелепой иллюзией, как и англо-французская концепция «западной безопасности». Но буржуазные политики часто страдают близорукостью. Результатом политики строгого нейтралитета со стороны Бельгии и Голландии явилось то, что «линия Мажино» кончалась в Лонгви, т. е. в 50 км южнее бельгийской границы. Дальше к северу не было никаких серьезных укреплений ни на франко-бельгийской границе, ни тем более на бельгийско-голландской границе с Германией. Таким образом, к северу от «линии Мажино» имелась большая неукрепленная полоса, через которую немцы всегда могли обойти и действительно обошли главную линию французской обороны. Положение ухудшалось еще тем, что военные руководители Франции (в частности, Петэн), будучи в плену стратегических концепций первой мировой войны, почему-то считали, что Арденны непроходимы для германской армии, и потому находили излишним строить «линию Мажино» на этом участке. В те времена только де Голль понимал, что развитие военной техники придаст будущей войне совсем другие формы и откроет перед врагом совсем другие возможности, чем в 1914—1918 гг. Но де Голль тогда имел еще скромный чин полковника и не пользовался влиянием среди лидеров французской армии.

Если учесть все изложенное выше, то станет понятным, что, когда 10 мая 1940 г. гитлеровская Германия обрушилась на Бельгию и Голландию, гибель этих стран была неизбежна. Голландцы пытались сопротивляться, взрывали мосты, устраивали затопления, но все это почти не задерживало наступления нацистских армий. Широко используя авиацию, парашютистов, «пятую колонну», немцы быстро продвигались вперед. Особо тяжелые удары они нанесли Роттердаму. Уже через три дня после начала военных действий голландская королева Вильгельмина со всем своим семейством высадилась в Англию, а 14 мая главнокомандующий голландскими вооруженными силами генерал Винкельман дал приказ своим войскам прекратить огонь и призвал население не оказывать сопротивления германским оккупантам.

Несколько дольше сопротивлялась Бельгия. Это объяснялось тем, что бельгийское правительство, оставаясь нейтральным, все-таки с начала войны мобилизовало 600-тысячную армию, а также тем, что сразу же после нападения немцев английские и французские силы (в частности, авиация) были брошены на помощь бельгийцам. Имело значение также и то обстоятельство, что за месяцы «странной войны» англичане и французы сумели возвести на границе между Бельгией и Францией известные укрепления, правда, не столь могущественные, как на «линии Мажино», но все-таки создаю-

щие некоторые трудности для наступающего врага. Вот почему немцы продвигались в Бельгии медленнее, чем в Голландии. Только на седьмой день, 17 мая, немцы вошли в Брюссель, что вынудило бельгийское правительство эвакуироваться в Остенде. 18 мая пал Антверпен. Еще 10 дней шли бои в различных районах страны, и только 28 мая бельгийский король Леопольд III объявил капитуляцию. Однако депутаты и сенаторы бельгийского парламента, выехавшие во Францию, на собрании в Лиможе аннулировали эту капитуляцию и отказались признавать своего короля. После этого бельгийское правительство заявило о своем решении продолжать войну совместно с Англией и Францией. Когда Франция пала, оно переехало в Лондон, где и оставалось до конца второй мировой войны.

Как ни важны были все эти события, но 15 мая в английских газетах появилось сообщение, которое вызвало у меня еще большее беспокойство. Из этого сообщения явствовало, что немцы прорвались как раз через те самые Арденны, которые французские генералы считали непроходимыми для германской армии, и появились под Седаном. Самое имя «Седан» звучало очень зловеще: ведь именно здесь в 1870 г. Франция понесла жестокое поражение от Пруссии, и французская армия во главе с Наполеоном III капитулировала. А сейчас гитлеровская Германия здесь же наглядно демонстрировала свое превосходство не только над французской армией, но и над военными концепциями руководящих кругов Франции. Это настраивало меня очень тревожно, ибо за предшествующие месяцы из Франции приходило немало сведений о господствующем в правящих кругах страны глубоком внутреннем разложении.

Помню, как незадолго до описываемых событий у меня был очень любопытный разговор с моим старым знакомым сэром Сиднеем Клайвом, который в течение ряда лет являлся маршалом дипломатического корпуса при английском дворе. Человек он был консервативного толка, но умный и наблюдательный. Между нами установились добрые отношения, и Клайв нередко беседовал со мной очень откровенно. В начале войны он пошел работать в Красный Крест, несколько месяцев провел во Франции и теперь только что вернулся в Лондон.

— Не пойму я этих французов,— с недоумением говорил Клайв. — Последние несколько недель я прожил в доме у одного крупного французского фабриканта. Все было очень хорошо, но меня очень шокировали некоторые рассуждения моего хозяина. Он был против войны с Германией,— ну, это я могу понять... Я сам тоже сожалею о войне с Германией... Но мой хозяин не хотел победы Франции... Как так?.. Раз война уже стала фактом, то ее надо выиграть. Потом мой хозяин постоянно говорил, что самая худшая опасность для Франции — это Народный фронт... Лучше уж пусть немцы правят Францией... Этого я никак не мог понять... А что же станет тогда с Францией, с ее народом, с ее старой культурой?.. Вообще я заметил, что у моего хозяина и его друзей, которые часто к нему приезжали, почти совершенно атрофировалось чувство патриотизма...

Клайв правильно подметил этот надлом, он только не понимал, что им болеет не французский народ, а верхушка французской буржуазии.

Для меня сообщение о прорыве немцев под Седаном имело совсем особое значение. Если Франция будет разбита (а такую возможность нельзя было исключать), как дальше поведет себя Англия? Заключит ли она мир с гитлеровской Германией или будет продолжать войну одна? От этого зависело многое. Ответ на волновавший меня вопрос имел серьезное значение для Советского правительства, для его ближайших планов и действий. Однако прежде всего я хотел окончательно увериться в правильности моей оценки положения.

Общее мое впечатление сводилось к тому, что Англия, даже в случае падения Франции, будет продолжать войну. Я рассуждал так: настроения рабочих масс носят явно антифашистский характер: захват немцами Бельгии и Голландии должен поднять на ноги все мелкобуржуазные, интеллигентские и даже крупнокапиталистические элементы (за вычетом «клевелдцев»), которые выросли в традиционном убеждении, что для Англии опасно, если берега стран Западной Европы оказываются в руках слишком могущественных держав; у власти сейчас стоит Черчилль, который не пойдет на сделку с Гитлером, ибо он остро чувствует противоречие империалистических интересов Англии и Германии на данном историческом этапе... Но все-таки я решил еще раз проверить себя и с этой целью побеседовать с теми людьми, которые могли считаться в оп-

ределенной мере истолкователями взглядов и настроений в стране, в особенности ее руководящих кругов.

Я начал с Идена. Он занимал в тот момент, как уже упоминалось, пост военного министра и, если бы захотел, мог бы по соображениям формального порядка уклониться от разговора со мной на внешнеполитические темы. Я рассчитывал, однако, на наши хорошие с ним отношения, установившиеся в предшествующие годы, и не ошибся в своих ожиданиях.

Беседа началась с моих расспросов о положении дел на фронте. Иден довольно подробно изложил, что там происходит, но ничего особенно нового по сравнению с газетными сообщениями в его словах не было. Тогда я прямо поставил вопрос: устоят ли французы?

Иден попытался доказать, что устоят, однако по целому ряду почти неуловимых признаков я почувствовал, что полной уверенности в этом у военного министра нет. Выслушав его, я сказал:

— В политике требуется реализм, и свои действия надо рассчитывать не только на лучший, но и на худший случай... Допустим, Франция не устоит и капитулирует перед Германией, что тогда? Какова будет позиция Англии?

Я прибавил, что, если Иден считает мой вопрос нескромным, я не буду обижен отказом отвечать на него, но если он этого не думает, то я буду очень благодарен за всякую информацию по интересующей меня теме.

— Мне нечего скрывать, — отозвался Иден, — ибо позиция нашего правительства по поднятому Вами вопросу вполне определена... Я надеюсь, я очень надеюсь, что до самого худшего не дойдет... Но если бы случилось несчастье и Франция действительно не устояла бы, Англия все равно станет продолжать войну одна. Мы не можем пойти на мир с Гитлером. Слова Идена звучали твердо, и тон их вызывал доверие.

Я ушел от военного министра с чувством значительного облегчения, но все-таки не вполне успокоенный. В голове невольно вертелись сомнения: а был ли Иден искренен со мной до конца? Не являются ли его слова лишь официальной версией, за которой могут скрываться совсем другие намерения? Ведь Иден — член правительства и, естественно, связан коллективной ответственностью в разговорах с иностранными послами. В особенности с послом Советского Союза, к которому британское правительство сейчас относится с большой предвзятостью. Я решил поэтому продолжить свои беседы и притом без всякого промедления.

В тот же день я отправился к Ллойд Джорджу в его загородное имение Брон-и-Де, где он, как всегда, принял меня очень любезно. Старик сам начал разговор о войне. Он был в большом волнении. Только вчера он видел одного своего знакомого, который вернулся из Франции. То, что он услышал, было просто поразительно.

— Это какая-то необыкновенная война! — восклицал Ллойд Джордж. — На немецкой стороне людей, понимаете, людей — офицеров, солдат — не видно... Одни машины... Танки, броневики, грузовые автомобили, мотоциклы... И конечно, самолеты, очень много самолетов. Германская авиация имеет колоссальный перевес над французской и английской!.. Ничего подобного до сих пор не бывало... Нынешняя война совсем не похожа на прошлую.

Слова Ллойд Джорджа прямо подводили к тому вопросу, который больше всего интересовал меня: устоит ли Франция?

— Не знаю... Не уверен... — отвечал Ллойд Джордж. — В прошлую войну Франция, несмотря на все свои недостатки, была великолепна... Она держалась, как львица... И имела таких вождей, как Фош и Клемансо... Нынешняя Франция непохожа на прежнюю... Дух не тот... И крупных вождей у нее что-то не видно... А враг сейчас гораздо опаснее, чем в 1914 г.

— Но если Франция падет, — начал я, — что будет делать Англия?

Не успел я закончить фразу, как Ллойд Джордж воскликнул:

— Драться, драться и еще раз драться!.. Англичане — народ не из пугливых... Я ведь валлиец, — с усмешкой вставил старик, — и могу судить об англичанах объективно... Да, да! Англичане не подымут рук, даже если бы немцы ступили на британскую землю, — нет, нет! Англичане будут упорно сражаться, отстаивать свои позиции... Может быть, без внешнего блеска, но крепко, как бульдоги... Таковы уж здешние люди...

Я спросил, на чем основана уверенность Ллойд Джорджа. Ведь сейчас ясно, что гитлеровская Германия имеет большой военный перевес над Францией: если Франция падет, немцы будут иметь большой военный перевес и над Англией: при таких обстоятельствах не подымут ли опять голову «квивлендцы», не придут ли они снова к власти.

Ярко-синие глаза Ллойд Джорджа загорелись еще ярче, и он со страстной горячностью стал разяснять мне:

— Песенка «квивлендцев» спета! Чем больше опасность, тем меньше у них шансов ... Заключить мир с Гитлером мы не можем! Не можем!.. Судите сами... Германия всегда была и всегда будет сильнее нас на суше — таковы уж пути истории... Германия сейчас сильнее нас и в воздухе... Единственно, в чем она нам уступает, — это на море, во флоте... Но, допустим, мы заключаем с ней мир... На какой базе в настоящее время возможен был бы такой мир? Очевидно, на базе предоставления Гитлеру полной свободы рук на европейском континенте... Тогда что же получится?... Гитлер захватит все страны европейского континента, кроме вашей, и поставит себе на службу все их экономические, финансовые и промышленные ресурсы. В результате у Гитлера через каких-нибудь пять лет будет флот сильнее британского, и он станет господином на море... Что тогда случится с нами? Что случится с этими островами? Что случится с нашей империей?

На живом лице Ллойд Джорджа проступало выражение ужаса, руки сжались в кулаки.

— Нет, нет! — в заключение с глубоким убеждением прибавил он. — Мир с Германией сейчас абсолютно невозможен!

Суждения Ллойд Джорджа таким образом подтверждали то, что я раньше слышал от Идена. Они были тем более убедительны, что исходили от человека, не занимавшего никакого министерского поста и стоявшего в оппозиции к консерваторам.

Я, однако, не удовлетворился полностью и решил произвести еще одну проверку. Прямо от Ллойд Джорджа я отправился к Веббам, благо их местожительство — Пассфилд корнер — находилось поблизости от Брон-и-Де.

Сидней и Беатриса Вебб в то время не занимали никаких официальных постов, они тихо жили в своем загородном доме и писали книги. В частности, в 1935 г. Веббы выпустили большой труд о нашей стране под заглавием «Советский коммунизм». Они были весьма далеки от идей коммунизма, но относились к СССР дружественно, и их труд в 30-е годы сыграл серьезную пропагандистскую роль в лейбористских и демократических кругах Запада. Супруги превосходно знали и понимали психологию британского господствующего класса: Беатриса происходила из богатой буржуазной семьи, а Сидней много лет работал чиновником в правительственном аппарате. В трудные минуты, когда мне надо было определить, как британское правительство поведет себя в том или ином случае, я нередко искал разрешения своих сомнений у Веббов. Они охотно давали свой прогноз, и я не помню ни одного случая, когда бы они ошиблись. Так и сейчас я решил выслушать их мнение по вопросу о том, как поведет себя Англия в случае падения Франции.

Так как у меня с Веббами были близкие отношения, то, приехав к ним, я сразу же и со всей откровенностью поставил интересовавший меня вопрос. Помню, мы сидели в их небольшой гостиной у камина, а Беатриса, как всегда, примостилась на металлической скамеечке около камина, повернувшись спиной к огню. Худыми руками она обхватила колени и внимательно слушала, что я говорю. Беатрисе было в то время 82 года, но голова ее работала прекрасно.

На мой вопрос Беатриса reagировала сразу и без малейшего колебания:

— Ну, конечно, мы будем продолжать войну.

Она сказала это, как нечто само собой разумеющееся, точно речь шла о том, что каждый вечер люди ложатся спать. Сидней подтвердил мнение жены.

Мне хотелось, однако, проверить, не слишком ли «машинально» был дан ответ. Может быть супруги Вебб не вдумывались особенно в смысл затронутой мной темы и не взвешивали по-настоящему последствий такого ответа. Поэтому я стал в несколько провокационном тоне задавать им вопросы: как Англия будет продолжать войну? Ведь армия ее еще только создается и по своей подготовке далеко уступает германской, ведь ее генералы по выучке и опытности не могут сравниться с германскими, ведь ее

Англия по численности сильно отстает от германской... Как же при таких условиях Англия будет воевать с Германией?

— Как мы будем воевать?— с живостью откликнулась Беатриса. — А так же, как мы воевали в наполеоновскую эпоху. Вы знаете, что тогда происходило?.. Сначала мы создали первую коалицию против Наполеона и вели против него открытую войну вместе с нашими союзниками, участвуя главным образом своим флотом и своими финансами... Потом коалиция распалась... На время мы ушли к себе на острова и, будучи в одиночестве, выжидали изменения международной ситуации, а пока ограничивались главным образом морской войной против Франции... Мы дождались изменения международной ситуации и создали вторую коалицию, в составе которой опять вели открытую войну против Наполеона в Европе... Когда распалась вторая коалиция, мы снова ушли к себе на острова и стали дожидаться изменения международной ситуации в благоприятную для нас сторону... Когда это случилось, мы создали третью коалицию и так далее в том же духе... Как известно, только шестая коалиция покончила с Наполеоном, но все-таки покончила... Вот образец, на который мы будем равняться и сейчас...

Сидней Вебб, который молча слушал рассуждения жены, лишь одобрительно кивая головой, вмешался в разговор и заметил:

— Судя по всему, наша первая коалиция в этой войне — коалиция с Францией — приходит к концу. Я не думаю, чтобы Франция под водительством Даладье устояла перед атакой Гитлера... Ну, что ж, мы уйдем на свои острова, будем их защищать и дожидаться того момента, когда станет возможным создание новой коалиции против Германии. Такое время придет. Надо только проявить выдержку и упорство.

Итак, супруги Вебб считали, что Англия даже в случае капитуляции Франции не пойдет на мир с Германией. Они даже намечали формы войны, которую Англия могла бы вести, потеряв своих континентальных союзников. Их прогноз в дальнейшем полностью оправдался...

Вернувшись к вечеру домой, я стал подводить итоги. Сопоставляя свои собственные соображения с суждениями Идена, Ллойд Джорджа и Веббов, я почувствовал, что теперь с полной ответственностью могу сказать своему правительству, чего следует ждать в ближайшем будущем. В тот же вечер я отправил в Москву телеграмму, суть которой сводилась к тому, что даже в случае падения Франции Англия останется в состоянии войны с Германией.

ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Прорыв немцев под Седаном навис, как грозная тень, над судьбой Франции. Теперь мы знаем, что Франции как самостоятельной великой державе оставалось жить немногим более месяца. Тогда мы этого точно не знали, однако уже с середины мая огромная тревога за будущее Франции распространилась в политических кругах Англии. Многие не хотели говорить об этом открыто, но в душе боялись за завтрашний день своего главного союзника на континенте Европы. Тревога распространилась и за океаном. В высшей степени характерно, что уже 15 мая, т. е. на другой день после прорыва под Седаном, Рузвельт обратился к Муссолини с призывом воздержаться от дальнейшего расширения войны. Муссолини, конечно, остался глух к этому призыву, но совершенно ясно, что американский президент не сделал бы такого шага, если бы не опасался краха Франции в самом ближайшем будущем.

Во время моей «анкеты», о которой я рассказывал выше, столь компетентные люди, как Ллойд Джордж и супруги Вебб, считали весьма вероятным близкое падение Франции.

Подобные же суждения высказывали и другие мои знакомые среди парламентариев, политиков и журналистов. Я с величайшим вниманием и неменьшей тревогой следил за всеми событиями, происходящими на фронте. А там дела принимали все более грозный оборот.

К середине мая вопрос о Бельгии и Голландии по существу был решен. Голландская армия капитулировала, но королева Вильгельмина и ее правительство, эвакуировавшиеся в Англию, объявили, что будут продолжать войну с Германией, примкнув к франко-британской коалиции. Бельгийская армия формально капитулировала только 28 мая, но уже к середине мая стало ясно, что она разбита и что франко-британская помощь не в состоянии ее спасти.

Теперь Гитлеру на континенте противостояла только Франция, которой ему удалось 14 мая под Седаном нанести опасный удар. Это вызвало во Франции реакцию как политического, так и военного характера. Правительство Рейно, пришедшее на смену правительству Даладьё после советско-финской войны, впало в лихорадку реорганизаций: 10 мая, сразу после нападения Германии на Голландию и Бельгию, премьер решил «укрепить» свое правительство за счет расширения его не влево (т. е. ближе к народу), а вправо (т. е. ближе к «200 семействам»). В состав правительства вошли представители фашистских элементов страны. 18 мая Рейно произвел новую реорганизацию своего правительства, введя в него в качестве вице-преьера зловеющую фигуру маршала Петэна, который в дальнейшем сыграл самую предательскую роль при капитуляции Франции. 19 мая Вейган сменил Гамелена на посту главнокомандующего французскими вооруженными силами. Ко всем этим пересадкам с одного поста на другой было вполне приложимо крыловское «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь». Ибо и старые министры и генералы, и новые вербовались из одной и той же насквозь прогнившей среды «200 семейств», которые считали: лучше Гитлер, чем Народный фронт. Такие «вожди» не могли ни вдохновить народные массы на борьбу, ни найти правильных путей к спасению страны в момент грозной опасности. Это очень быстро обнаружилось на практике.

Номинально численное соотношение германских и франко-британских войск, участвовавших в майских боях 1940 г. на Западе, было почти одинаково. Черчилль в военных мемуарах сообщает², что немцы повели свое наступление, располагая 136 дивизиями (в том числе 10 бронетанковыми с 3 тыс. машин), и что им противостояло 135 французских, английских, бельгийских и голландских дивизий. Однако фактически немцы были значительно сильнее союзников по трем главным причинам.

Во-первых, немецко-фашистская армия превосходила своих западных противников в области вооружения и методов борьбы. Танки, броневики, мотоциклы, моторизованная пехота придавали ей ударную силу и обеспечивали стремительную быстроту передвижения. Это дополнялось еще мощью авиации. Напротив, союзные армии и их командный состав чрезвычайно отставали от немецких армий в области новейшей по тому времени техники. Достаточно сказать, что против 10 немецких бронетанковых дивизий у французов была только одна, а у англичан ни одной. По существу союзники готовили свои армии между двумя мировыми войнами, имея перед глазами опыт первой и плохо представляя себе, как будет выглядеть вторая. Вот почему даже столь умный человек, как Ллойд Джордж, в приведенном выше разговоре со мной так сильно поражался, что в боях на стороне немцев видны только машины и почти не видно людей.

Во-вторых, германская армия в этой войне применила новые методы борьбы, вытекавшие из ее высокой технической оснащенности. Основным средством прорыва фронта и сокрушения противника стало сочетание бронетанковых операций на земле с действиями пикирующих бомбардировщиков в воздухе. Армии союзников к этому были совершенно не подготовлены ни технически, ни психологически и потому обычно не выдерживали вражеского удара. На линии фронта сразу образовалась брешь, в которую устремлялись танки и броневики, быстро выходя в тыл или на фланги союзных войск. Ни у французов, ни у англичан не было разработанных методов подобного ведения войны, и потому их армии приходили в смятение, поддавались панике и начинали отступать.

В-третьих, наконец, немецко-фашистская армия управлялась единым командованием, в то время как армии союзников были раздроблены между несколькими командованиями (англо-французским, бельгийским и голландским) и, что самое главное, ослаблены глетворным духом пораженчества, исходившим из кругов «200 семейств».

В мемуарах Черчилль делает попытку возложить на СССР, на коммунистов ответственность за разложение французской армии к весне 1940 г. Он пишет: «Французская армия, подточенная советско-коммунистической пропагандой и уставшая от длинной, безрадостной зимы на фронте, сильно потеряла в своей боеспособности»³. Какой постыдный пример фальсификации истории! Ведь Черчиллю не могло быть неизвестно,

² W. Churchill. The Second World War, vol. II, p. 27—28

³ Ibid., p. 26.

что после падения Франции именно из рядов коммунистов вышли тысячи наиболее героических бойцов маки против порабощения родины германскими нацистами. Нет, беспомощность французской армии в борьбе с врагом объяснялась совсем другим — фактической изменой отечеству со стороны «200 семейств» и тесно связанных с ними французских генералов. Приведенное суждение Черчилля тем более странно, что главы его собственных мемуаров, посвященные падению Франции, дают яркую картину глубокого разложения ее политической и военной верхушки. Приведу только один пример из многих. Характеризуя столь крупную фигуру, как Вейган, на которого было возложено спасение Франции, Черчилль пишет: «В течение всей жизни он питал глубокую неприязнь к парламентскому режиму Третьей республики. Будучи благочестивым католиком, он рассматривал катастрофу, которая обрушилась на страну, как божье наказание за ее пренебрежение к христианской вере»⁴. Как мог подобный человек вести за собой армию на борьбу с врагом?

После всего сказанного надо ли удивляться, что в течение пяти дней после прорыва под Седаном гитлеровцам удалось пройти через всю Францию с востока на запад и 19 мая выйти к Абвилю, на берегу Атлантического океана. Таким образом, франко-британский фронт был разрезан на две части, северная часть Франции отделена от остальной части страны, и все союзные силы, находившиеся в северной части, оказались в капкане, прижатые к берегам Северного моря и Ла-Манша. Среди них был и британский экспедиционный корпус под командой генерала Горта.

Эти события вызвали в Париже настоящую панику. Черчилль в мемуарах рассказывает, что 15 мая утром, т. е. на следующий день после прорыва, ему позвонил по телефону французский премьер Рейно и с отчаянием в голосе воскликнул: «Мы разбиты!» Черчилль безуспешно пытался его успокоить и доказывал, что всякий прорыв может быть ликвидирован. Ввиду этого 16 мая Черчилль вместе с генералами Диллом и Исмеем прилетел в Париж, чтобы укрепить волю французских лидеров к сопротивлению. Он нашел здесь лишь полное смятение и беспомощность. Генерал Гамелен, который еще был главнокомандующим, не знал, что делать. А когда Черчилль спросил: «Где же ваши стратегические резервы?» — Гамелен, пожав плечами, ответил: «У нас их нет»⁵. Эти реакционные генералы оказались никуда не годными даже как военные!

Тогда я не знал всех подробностей, о которых пишет Черчилль, но основное и существенное было уже ясно в мае 1940 г.

Отрезав северную часть Франции, немцы стали дробить застрявшие здесь союзнические силы, стремясь захватить в плен отдельные группы. Капитуляция бельгийской армии значительно упростила их задачу. Французские и английские части упорно сопротивлялись, но все-таки шаг за шагом вынуждены были отступать к берегу моря. Остро стал вопрос об эвакуации их из Франции на кораблях. Надо было сохранить в руках союзников несколько портов, где могла бы производиться посадка союзных войск на суда, надо было также в «молниеносном порядке» сосредоточить в этих портах достаточное количество судов. Это оказалось очень нелегким делом.

Первоначально предполагалось, что для эвакуации будут использованы три порта — Булонь, Кале и Дюнкерк, однако отстоять первые два союзникам не удалось: слишком силен был напор немцев. В конце концов остался лишь один Дюнкерк с небольшой прибрежной полосой. И вот на этом маленьком «пяточке» скопилось свыше 300 тыс. войск (главным образом английских), жаждавших эвакуироваться в Англию.

Обстановка была чрезвычайно тяжелой. Германская сухопутная армия, располагавшая большим количеством танков и броневиков, железным кольцом сжимала район Дюнкерка. Германская авиация без передышки бомбила его. Лавина огня и разрушения обрушилась на стоявшие здесь войска союзников и на суда, пришедшие для их эвакуации. При этом очень скоро выяснилось, что если эвакуация не будет осуществлена в течение нескольких дней, то ее вообще не будет и собранные здесь англо-французские силы неизбежно будут истреблены или захвачены немцами. Для столь быстрой эвакуации большого количества войск порт Дюнкерк был слишком мал. Необходимо было организовать посадку людей прямо с морского пляжа, но для этого требовалось

⁴ Ibid., p. 176.

⁵ Ibid., p. 42.

огромное количество небольших мелкосидящих судов, способных близко подойти к берегу. Откуда было их взять?

И вот тут-то произошло нечто такое, что во всем мире произвело тогда сильное впечатление. Англию охватил патристический порыв. Многие хотели сделать все, что могли, для спасения «our boys» (наших парней), находившихся под Дюнкерком. Владельцы яхт, катеров, шаланд, рыбацких судов, буксиров, моторных шлюпок, даже парусных лодок предлагали адмиралтейству свои услуги для вывоза английских солдат с французского берега. Это была трудная и рискованная операция: германская авиация и артиллерия делали все, чтобы сорвать эвакуацию. Около 400 мелких судов приняло участие в операции «Динамо» (таково было кодовое наименование эвакуации союзных войск из Дюнкерка), и почти половина их погибла, тем не менее операция удалась в целом осуществить. Подходя вплотную к берегу, суда брали людей с лодок или даже прямо из воды, спешили в Дувр или какой-либо другой английский порт, быстро разгружались и вновь шли к французскому берегу за новой партией эвакуирующихся. Многие суда под бомбами и снарядами проделывали рейсы туда и обратно десятки раз, большей частью под покровом темноты. А параллельно из дюнкерского порта крупные пароходы и военные суда под охраной английской авиации вывозили уже целые части и соединения. Эвакуация продолжалась 10 дней — с 26 мая по 4 июня — и увенчалась успехом. Правда, все тяжелое вооружение пришлось бросить во Франции, но зато спасено и доставлено в Англию 338 тыс. человек, из которых 100 тыс. было снято мелкими судами прямо с морского берега. Среди спасенных было примерно 50 тыс. французов. Из 861 судна, принимавшего участие в операции «Динамо», 243 было потоплено.

Глубокий вздох облегчения пронесся по стране, когда эта операция была закончена. На каждом шагу можно было видеть, как обычно спокойные и хладнокровные англичане поздравляли друг друга и лица их при этом становились как-то теплее.

От тех дней у меня сохранилось воспоминание об одном маленьком, но характерном случае. Неподалеку от нашего посольства было небольшое, но уютное кафе, куда я любил заходить выпить чашку чая или бутылку знаменитого пива «Магиннес». Постепенно я довольно близко познакомился с его хозяином, который всегда стоял за стойкой. Это, как мне казалось, был типичный английский обыватель средней руки: социальное положение он располагался где-то на грани между мелкими и средними буржуа, политика его мало интересовала, но на выборах он всегда голосовал за консерваторов. В газетах он читал лишь биржевые котировки и спортивные новости, а больше всего думал о своем кафе и обогащении.

Как-то во время дюнкерских событий я зашел в кафе. Хозяина на обычном месте не оказалось. За стойкой распоряжалась его жена. Я из вежливости осведомился, почему не вижу хозяина. Жена, сразу подтянувшись и посерьезнев, многозначительно ответила:

— Он там, — и при этом неопределенно махнула рукой в пространство.

— Где это там? — не поняв, спросил я.

Ну, там, — с недоумением посмотрела на меня женщина и затем прибавила. — В Дюнкерке.

— В Дюнкерке? — в моем голосе звучало явное недоверие. — А что он там делает?

— Как что? — взорвалась хозяйка. — То же самое, что и все другие: спасает «our boys» от немцев.

И затем, неожиданно как-то обмякнув, уже совсем другим тоном продолжала:

— Я так волнуюсь, так боюсь... Ведь там страшно опасно... Может все случиться... У нас есть небольшой катер, и когда мой муж узнал, что нужны мелкие суда для вывоза «our boys», его нельзя было удержать... Хоть бы все кончилось благополучно!

Я был поражен. Меньше всего я ожидал, чтобы такой человек, как хозяин этого кафе, принял добровольное участие в операции «Динамо». Но он пошел, и это было знаменательно.

4 июня Черчилль сделал парламенту доклад о военной ситуации и об операции «Динамо». Изложив весьма откровенно то, что произошло за минувшие три недели, и рассказав подробно о Дюнкерке, премьер признал, что во Франции и Бельгии произошла «колоссальная военная катастрофа», последствия которой трудно предвидеть.

В связи с событиями под Дюнкерком уже во время войны и еще больше после вой-

разгорелись горячие споры по вопросу о том, как могли гитлеровцы допустить относительно благополучную эвакуацию столь крупных союзных сил, находившихся как будто бы в кашканы. При этом особенно подчеркивается тот факт, что в непосредственной близости к Дюнкерку находились многочисленные бронетанковые соединения германской армии, которые, однако, не были пущены в ход против англичан и французов. Используя немцы эти соединения, Дюнкерк превратился бы для союзников в настоящую катастрофу.

С течением времени рождались различные объяснения столь странного поведения немцев. Одни утверждали, что Гитлер сознательно «выпустил» англичан из Дюнкерка, так как очень рассчитывал после падения Франции на быстрое заключение мира с Великобританией и опасался, что пленение немцами сотен тысяч английских солдат может затруднить столь желанное ему соглашение. Другие говорили, что в момент Дюнкерка бронетанковые части немцев, стоявшие поблизости от места эвакуации, были очень истощены: они прошли перед тем длинный путь и требовали ремонта, заправки, необходимой подготовки для второй части «битвы за Францию», которая должна была открыться перед ними Париж и дать возможность принудить Францию к капитуляции. В интересах скорейшего завершения французской кампании немцы не хотели отвлекать свои механизированные силы от этой главной задачи ради участия в сравнительно второстепенной операции по захвату британского экспедиционного корпуса. Третьи считали, будто в работе германской военной машины как раз в дни Дюнкерка произошла какая-то случайная ошибка: кто-то неправильно понял слова Гитлера, кому-то неправильно передали приказ вышних инстанций, а когда это заметили, было уже поздно — эвакуация англо-французов закончилась. Четвертые, наконец, полагали, что немцы, не имевшие тогда еще большого опыта в воздушной войне, переоценили значение авиации и решили, что она одна, без поддержки механизированных войск на земле, сумеет расстроить эвакуацию.

Мне думается, что «чудо Дюнкерка» объясняется сочетанием самых разнообразных — политических, военных, психологических — обстоятельств при наличии одного случайного, но очень важного фактора: в течение всех критических дней море было совершенно спокойно. Это сделало возможным широкое использование для целей эвакуации большого количества судов малого размера и посадку сотни тысяч солдат прямо с берега или даже из воды.

5 июня 1940 г. началась вторая фаза «битвы за Францию». Захватив северную часть страны, немцы теперь повернули на юг с целью прежде всего занять Париж и, если это не приведет к капитуляции Франции, продолжить свое наступление в разных направлениях, вплоть до оккупации (если окажется необходимым) всей территории страны. Однако надобности в этом не оказалось.

Правительство Рейно и армейская верхушка во главе с Вейганом меньше всего думали о серьезном сопротивлении, хотя Франция еще располагала крупными военными силами. Напротив, их мысли теперь были направлены на то, как бы поскорее прекратить огонь и заключить перемирие. Особенно зловещую роль в этом отношении играли Петэн и Вейган. Слухи о том доходили до меня уже в то время. Чего я тогда не знал и что стало мне ясно уже много позднее, — это позиция Лавала (Лаваль в тот момент не входил в правительство, но был очень влиятелен в его окружении). Лаваль не удовлетворялся выходом Франции из войны и заключением мира с Германией, нет, он требовал перехода Франции на сторону Германии и поддержки завоевательной политики Гитлера.

Результаты таких настроений правящей верхушки понятны. Немцы без труда прорвали в нескольких местах французский фронт и стали быстро приближаться к Парижу. Во французской армии начались дезорганизация, массовое дезертирство. Население пришло в панику. Миллионы французов всех званий и состояний поднялись с мест и бросились на юг, спасаясь от немцев. Все дороги были запружены бесконечными толпами беженцев, делавших какое-либо движение войск по ним совершенно невозможным. Все привычные формы жизни сразу распались. Общественная дисциплина и порядок исчезли. Великая страна, имевшая за плечами столь славную многовековую историю, оказалась в состоянии политического, военного и психологического паралича. Не стану более подробно останавливаться на страшных июньских днях 1940 г. во Франции — все это хорошо описано в исторической и художественной литературе.

10 июня появился новый фактор: Италия объявила войну Англии и Франции. Теперь, когда битва за Францию по существу была уже решена силой германского оружия, Муссолини, подобно шакалу, решил урвать для себя кусок лакомого дельца. 32 итальянские дивизии были брошены против Франции. Им противостояли всего лишь три французские дивизии и крепостные гарнизоны, в сумме составлявшие еще три дивизии. Итак, итальянские фашисты превосходили французов более чем в пять раз. И тем не менее они оказались бессильны! Бессильны, несмотря даже на то, что в тыл французским войскам, сражавшимся против итальянцев, с севера выходили немцы. В Альпийских проходах итальянцы безнадежно застряли, остановленные храбро сражавшимися французами, а попытка итальянцев взять на побережье Ниццу окончилась неудачей: они никак не могли продвинуться дальше окраин Ментоны. Этот замечательный эпизод лишний раз доказывает, что боевой дух французской армии не был сломлен гитлеровским нашествием и что, имея она твердых и храбрых командиров, многое в ходе второй мировой войны сложилось бы иначе. Но как раз этого-то ей и не хватало.

Черчилль в мемуарах рассказывает, что 11 июня, т. е. через неделю после начала германского наступления в южном направлении, он вместе с Иденом, а также генералами Диллом и Исмеем полетел во Францию для обсуждения с правительством Рейно создавшегося положения. В этом обсуждении с французской стороны участвовали кроме самого премьера Петэн, Вейган и незадолго перед тем назначенный помощником министра обороны генерал-майор де Голль. За исключением последнего, все остальные французские представители находились в состоянии депрессии и даже отчаяния.

Черчилль предложил защищать Париж во что бы то ни стало. Это могло бы сильно задержать и затруднить движение немцев. Он даже имел наивность сослаться при этом на пример Мадрида, на окраинах которого наступление Франко в ноябре 1936 г. было приостановлено. Как плохо понимал Черчилль движущие силы современной истории! Мадрид устоял потому, что его защищал революционный народ, имевший во главе революционных вождей и прежде всего коммунистов, веривших в свое будущее и вдохновлявшихся лозунгом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Разве Рейно, Петэн и Вейган могли сделать что-либо подобное? Разве они верили в свое будущее? Разве они могли вдохновить широкие массы французского народа на борьбу во имя спасения Франции?

14 июня немцы, не встречая сопротивления, заняли Париж, а 22 июня между Францией и Германией было подписано перемирие в Компьене. Здесь в 1918 г. было заключено перемирие между побежденной Германией и победившими США, Англией и Францией. Теперь Гитлер захотел взять реванш: он потребовал, чтобы именно в этом месте произошло подписание перемирия между побежденной Францией и победившей Германией. Условия его были очень тяжелы: Германия оккупировала около двух третей всей Франции, включая Париж, остальная территория страны должна была формально находиться под властью правительства Петэна (что фактически означало слегка завуалированную власть гитлеровской Германии); французские вооруженные силы на суше и на море подлежали демобилизации, а их вооружение переходило в руки немцев; Франция обязалась покрывать расходы по содержанию германских войск и т. д. На целых четыре года над Францией воцарилась глухая ночь фашистской реакции, во мраке которой можно было слышать лишь звон цепей да все учащающиеся выстрелы героических бойцов движения Сопротивления...

Прежде чем закончить рассказ об этих днях, я должен упомянуть об одном важном эпизоде, который разыгрался уже после капитуляции Франции. Пункт восьмой условия перемирия предусматривал, что французский военно-морской флот «должен быть сконцентрирован в портах, которые будут определены, и там должен быть демобилизован и разоружен под германским и итальянским контролем». Это значило, что французский флот, еще в полной боевой готовности, войдет в гавани, находящиеся в руках фашистских держав... Что тогда? Не захватят ли его эти державы? Не воспользуют ли они его для борьбы с Англией? Предотвращение чего-либо подобного имело для британского правительства решающее значение. Ибо французский флот в то время по своей мощи был четвертым флотом в мире (после английского, американского и японского) и представлял серьезную боевую силу. Присоединение французского флота к германскому и итальянскому изменило бы соотношение сил на море в очень

■ благоприятную для Англии сторону и облегчило бы возможность вторжения немцев на Британские острова. Таким образом, дальнейшая судьба французского флота пре-
ершалась в вопрос жизни и смерти для Англии.

Черчилль прекрасно это создавал и потому во время встреч, происходивших в июне с французскими министрами и генералами, когда вопрос о капитуляции Франции встал во весь рост, упорно настаивал на том, чтобы французский флот при любых условиях не был передан немцам. 15 июня французское правительство решило запросить у Гитлера условия перемирия и одновременно обратилось к британскому правительству с просьбой освободить его от обязательства не вступать в переговоры о перемирии или мире иначе, как по общему согласию, обязательства, содержащегося в англо-французском договоре от 18 марта 1940 г. 16 июня британское правительство ответило, что оно не будет возражать против предполагаемого шага французского правительства, но при непереносимом условии, что французский флот немедленно будет отправлен в британские порты. Рейно и командующий флотом адмирал Дарлан уклонились от обещания выполнить это условие, но еще раз заверили британское правительство (как прежде заверяли уже не раз), что ни в коем случае не допустят перехода французского флота в руки немцев. В тот же день Рейно ушел в отставку и премьером стал Петэн. Дарлан был назначен морским министром. Будущая судьба французского флота повисла в воздухе.

Положение становилось еще более грозным ввиду того, что теперь французский флот оказывался целиком в распоряжении Дарлана. Политически Дарлан был крайним реакционером, в душе которого лозунг «лучше Гитлер, чем Народный фронт» находил сочувственный отклик. И вот теперь от него в большой степени зависело, что станет с французским флотом.

В такой обстановке британское правительство решило немедленно действовать. Операция была намечена на 3 июля.

В тот момент французский флот был рассредоточен: часть его находилась в Тулоне, другие части в Оране, Дакаре и Александрии. Утром 3 июля к Орану подошла британская эскадра под командой вице-адмирала Соммервелла в составе линкоров «Вэлийант» и «Резолюшен», крейсера «Худ», авианосца «Арк-Ройял», двух меньших крейсеров и 11 эсминцев. Соммервелл предъявил командующему французскими судами адмиралу Генсулу ультиматум, в котором французским судам предлагалось: присоединиться к британскому флоту и вместе с ним вести борьбу против Германии и Италии; с сокращенными командами отправиться под британским контролем в один из английских портов, откуда эти сокращенные команды будут репатрированы на родину, или, наконец, с сокращенными командами идти под британским контролем в один из французских портов в Америке, например, в Мартинику, где на время войны французские суда могут быть демилитаризованы. Если адмирал Генсул не найдет возможным принять какое-либо из вышеуказанных предложений, он должен в течение шести часов потопить французские суда. А если он откажется это сделать, адмирал Соммервелл вынужден будет применить силу.

В течение всего дня 3 июля шли переговоры между двумя адмиралами, но они не привели ни к какому соглашению. Тогда около 6 часов вечера Соммервелл открыл огонь по французским судам, на что они ответили также огнем. Бой продолжался не больше 10—15 минут. В результате линкор «Бретань» взлетел на воздух, другой линкор «Прованс» и крейсер «Дюнкерк» были сильно повреждены, а крейсер «Страсбург» ушел из Орана и добрался до Тулона. То же удалось сделать некоторым другим судам.

В Александрии дело не дошло до открытого столкновения, и находившийся там французский адмирал Годфруа согласился принять ряд мер, выводивших французские суда из строя. В тот же день, 3 июля, англичане почти без сопротивления взяли под свой контроль французские суда, стоявшие у Британских островов, в Плимуте и Портсмуте. 8 июля английский авианосец «Гермес» серьезно повредил и вывел из строя французский линкор «Ришелье», находившийся в Дакаре. Спустя некоторое время в результате длительных переговоров были демобилизованы два легких французских крейсера и один авианосец, стоявшие в американских колониях Франции.

5 июля правительство Петэна, избравшее в качестве своей резиденции Виши (и получившее в дальнейшем наименование «правительства Виши»), порвало дипломатические отношения с Англией. А 11 июля Петэн стал французским президентом.

В эти дни, а точнее, 3 июля 1940 г., я попросил у Черчилля аудиенции с целью поговорить с ним серьезно о том, что он думает о создавшейся ситуации. Черчилль охотно принял меня. Был яркий солнечный день, он сидел в своем кабинете за столом, пил виски и, как обычно, курил сигару.

Я осторожно начал:

— Можно Вам задать один вопрос, который я сам сознаю нескромным?

— Я догадываюсь, какой это вопрос,— ответил Черчилль,— но я готов отвечать.

— Спасибо,— поблагодарил я.— Так вот скажите, если можете, в чем сейчас состоит Ваша генеральная стратегия?

Черчилль, твердо глядя мне в глаза, ответил: сейчас моя генеральная стратегия состоит в том, чтобы выжить ближайшие три месяца!

Я был почти оглушен. Потом недоуменно спросил:

— Почему эта цифра?

— Видно, она выше, — загадочно ответил Черчилль.— С незапамятных времен с августа месяца в Гибралтарском проливе начинаются бури и тогда высадка вражеской армии невозможна.

На протяжении всего разговора 3 июля премьер ни словом не упомянул о французском военном флоте, судьба которого в тот день решалась. Лишь один раз, когда я сам спросил, что будет с морскими вооруженными силами Франции, премьер ответил обычной трафаретной фразой, что «этому вопросу отводится надлежащее внимание». В чем, однако, состояло внимание Черчилля, я узнал только на другой день.